

Владимир Панин

СТАЛИНГРАДСКАЯ МЕТЕЛЬ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Владимир Панин

Сталинградская метель

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Серия «Генерал Кинжал», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65088007

Сталинградская метель :

ISBN 978-5-17-137062-6

Аннотация

В третий раз военная судьба сводит в противостоянии Константина Рокоссовского и Эриха Манштейна. Перед каждым из них стоит своя важная задача: в кратчайший срок провести операцию «Кольцо» и «Зимняя гроза». От того, как быстро и удачно они справятся с этим заданием, зависит не только судьба окружённой под Сталинградом 6-й армии фельдмаршала Паулюса. На кону стоит возможность окружения и уничтожения не оставившей надежду прорваться к бакинской нефти Кавказской группировки вермахта. Это может привести к коренному перелому в ходе войны и к изменению положения на всем огромном советско-германском фронте.

Содержание

Пролог	5
Глава I	30
Глава II	48
Глава III	68
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Владимир Панин

Сталинградская метель

© Владимир Панин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

В преддверии больших дел

Третья военная зима для Соединенного Королевства была особенно трудной. Пронизывающие морозы наступили на две недели раньше привычных календарных сроков, отчего все огни властей по подготовке к зиме немедленно вылезли наружу. Сразу выяснилось, что запаса угля, заготовленного на зиму для отопления госпиталей, больниц, заводов, фабрик и прочих государственных учреждений, в лучшем случае хватит до середины января.

Одновременно с этим подвергалась урезанию и без того крайне скучная норма отпуска угля частным лицам. При этом следовало забыть о всяких льготах и преференциях для семей военнослужащих, находящихся в действующей армии Его Королевского Величества. Эту зиму им предстояло встретить в едином строю с теми, кто подобными льготами не пользовался.

Подобная экономия топлива грозила обернуться многочисленными смертями от холода среди малоимущих и плохо социально защищенных простых англичан. Единственным выходом из сложившейся ситуации было бы объявление национализации всех запасов угля на острове, находящегося на складах частных компаний, а также попытка увеличить

число шахтеров Уэльса за счет гражданского населения. Мера жестокая, так как касалась пожилых людей, женщин и детей, но иного выхода у правительства консерваторов просто не было.

Одним словом, наступивший ноябрь подбросил ещё одну острую проблему правящему кабинету премьер-министра Черчилля, но её появление не очень сильно пугало сэра Уинстона. У него был свой сильный козырь в кармане, который позволял ему смело смотреть вперед, не испытывая большой дрожи, которую он обычно обильно заливал рюмками бренди.

Выступая после первых налетов немецкой авиации на Лондон, Черчилль призвал англичан к крови и страданиям, нужде и потерям, обещая взамен победу над Гитлером.

Шаг был откровенно рискованный, и когда Чемберлен, предшественник Черчилля на посту премьер-министра, услышал его речь, то сильно удивился.

– Что он делает!? – воскликнул уходящий в политическое небытие несостоявшийся миротворец. – Он роет себе могилу! Так нельзя говорить с английским народом. Его не поймут!

С его точкой зрения были полностью согласны многие представители британского политического сообщества, но оказалось, что они ошибались. Что прав оказался Черчилль, сказавший людям горькую правду, и они эту правду приняли.

С лета 1940 года британцы мужественно терпели бомбежки немецкой авиации, нехватку продовольствия в результате морской блокады острова подводными лодками адмирала Деница, а также всего остального, включая товары первой необходимости.

Того пришлось затянуть пояса островной метрополии ради одержания победы над своим противником. На многие лишения пошли они, веря словам Черчилля, у которого с военными победами были сплошные разочарования. Из года в год британские войска терпели поражения и были вынуждены отступать, но наконец-то испытания, посланные Господом британской армии, закончились. В октябре 1942 года английские войска под командованием генерала Монтгомери одержали долгожданную победу над Роммелем под Эль-Аламейном, впервые за весь 1942 год заставив немцев отступить.

Казалось, что Уинстон Черчилль нашел своего генерала Победы, перебрав с десяток других соискателей. Испытывая острую нехватку топлива, боеприпасов, людского и материального пополнения, армия фельдмаршала Роммеля была вынуждена покинуть территорию Египта и под нарастающими ударами англичан отступить в Ливию.

Долгожданная победа была одержана, но Черчилль не был бы самим собой, если бы положил все яйца в одну корзину и сделал ставку на одного генерала. Весь 1942 год британский премьер отчаянно балансировал под натиском Москвы

и Вашингтона, требовавших открытия второго фронта. Сталин и Рузвельт постоянно требовали от него начать высадку английских войск в Европе, но Черчилль не мог себе позволить отступить от главной доктрины британской империи – воевать на континенте чужими руками, поставляя своему союзнику военные материалы и вооружение.

Так была выиграна война с Наполеоном, мировая война с кайзером Вильгельмом, и британский премьер не видел причин и нужды менять доктрину. С первых дней нападения немцев на СССР Черчилль громогласно заявил, что поможет Красной Армии всем, чем может, ради общей победы.

Прагматик Stalin тотчас ухватился за его слова и стал требовать выполнения данного британским премьером обещания. Первые месяцы сотрудничества двух идейных врагов и двух разных социальных систем прошли под знаком Большого скрипа. Чопорные англичане, привыкшие считать каждую оказанную услугу своему континентальному союзнику, откровенно тянули время с отправкой военных грузов в Архангельск.

В своем подавляющем большинстве начальники военных штабов не верили в то, что терпящая поражение Красная Армия сможет дать отпор теснящему её на всех направлениях врагу. Словно присутствуя на боксерском поединке, британские военные не стеснялись делать ставки, сколько месяцев русские смогут продержаться под ударами вермахта. В зависимости от предпочтений того или иного аналитика прогноз

жизнеспособности Красной Армии варьировал от одного месяца до трех.

Каждый из военных яростно отстаивал свою точку зрения, но все сходились в одном: в октябре с Россией и Сталиным будет покончено. Так зачем спешить с отправкой в обреченную страну танков, самолетов и прочих военных материалов? Чтобы они потом достались Адольфу Гитлеру? По этой причине кран британской военной помощи был приоткрыт ровно на столько, чтобы можно было сохранить лицо в большой политике и не понести серьезных убытков.

Только под нажимом президента Рузвельта в ноябре месяце англичане были вынуждены увеличить поставки боевой техники, включая танки «Матильда» и «Валентайн». Некоторые из них даже приняли участие в контрнаступлении советских войск под Москвой в декабре 1941 года.

Но если Сталин смог заставить британского премьера помочь советской стороне вооружением и военными материалами, то по открытию второго фронта в Европе все его усилия были тщетны. Даже подписав соглашение о высадке союзных войск во Франции в 1942 году, Черчилль не собирался выполнять взятые на себя обязательства.

Британская армия была готова отправить в Мурманск и Архангельск своих моряков и летчиков. Выражала намерения ввести войска в Баку для прикрытия нефтяных присылок, но о высадке британских войск на континент не могло быть и речи.

Вновь под давлением Рузвельта Черчилль был вынужден бросить кость Сталину и отдал приказ о высадке десанта в район Дьеппа в августе 1942 года. Английские коммандос и канадские пехотинцы действительно высадились на французские берега, но дальнейшего развития эта операция не получила из-за множества внезапно возникших трудностей. Потеряв один эсминец, тридцать три десантные баржи и около трех тысяч убитыми и пленными, британцы объявили своим союзникам о завершении операции.

Пролитая в Дьеппе кровь позволила Черчиллю бодрее разговаривать с советским лидером, объясняя ему причины, по которым Британия не может выполнить ранее взятые на себя обязательства перед союзником.

Разговор был тяжелым, стоил британскому премьеру много седых волос и нервов. Было выпито большое количество бренди, но Черчилль добился своего, и вопрос о втором фронте был перенесен на следующий год.

Проявляя твердость и упорство относительно высадки десанта во Францию, сэр Уинстон делал все возможное и невозможное для реализации другой десантной операции, которую начальники штабов назвали «Факелом». Суть её полностью совпадала с главной военной доктриной Британии – использовать английские войска исключительно для периферийных войн.

В войне с Наполеоном англичане сделали ставку на южный вариант действия, и, пока Наполеон сражался на полях

России, герцог Веллингтон высадился в Испании. Когда военная удача отвернулась от французского императора и союзные войска вышли к Рейну, англичане не раньше и не позже вторглись на территорию Франции с юга.

Нечто подобное было разыграно в Первую мировую войну, и теперь Черчилль с упорством фанатика добивался высадки объединенных войск в Северной Африке, в Марокко и Алжире.

Сколько усилий стоило Уинстону убедить членов объединенных штабов поддержать этот вариант, история дипломатично умалчивает. Однако только с их помощью удалось заставить президента Рузельта согласиться с этим вариантом высадки союзного десанта.

Черчилль усиленно держался руками и ногами за южный вариант действий не только из-за традиции британского оружия. Этот вариант не только раз и навсегда устранил возможность захвата Гитлером Египта и Суэцкого канала. Он открывал перед английскими войсками широкое поле деятельности в делах Европы и в первую очередь в Греции, Италии и Югославии. В странах, где местные коммунисты имели серьезное влияние и, значит, представляли серьезную угрозу интересам английской короны в этом уголке мира. Британский имперский генеральный штаб уже подготовил предварительные наброски планов действий, и они были одобрены премьер-министром.

В тот момент, когда лучшие соединения вермахта бились

в смертельной схватке на берегах Дона и Волги, а также в преддверии Кавказа, действуя исключительно против итальянских и французских союзников рейха, имелись неплохие условия для их реализации. Где-то, по твердому убеждению Черчилля и его военных советников, англичанам с союзниками должно было повезти.

Успехи британского оружия в Северной Африке, Италии или Греции кроме чисто военных дел гарантировали дивиденды и на политическом поприще. Так, по мнению сэра Уинстона, должны были проснуться от летаргического сна немецкие промышленники и политики времен Веймарской республики и совместными усилиями с ненавидящими Гитлера военными попытаться устраниТЬ бесноватого фюрера с политической арены Германии. После чего можно было смело садиться с ними за стол переговоров и заключать мир, но на сугубо британских условиях.

Главным условием этого мира являлось полное прекращение войны на западе, с одновременным продолжением войны на востоке. При этом война на востоке подразумевала несколько вариантов, которые могли быть применены в зависимости от текущего момента. Так, Германия могла продолжить войну против Советов, как в одиночку, так и при поддержке англо-саксонского мира.

Не исключался и затяжной вариант, когда, получив мир на западе, Германия прекращала боевые действия и на Восточном фронте, но при этом не спешила с выводом войск

с захваченных территорий. В этом случае подразумевалось начало ведения переговоров, где расклад сил был на стороне англичан и их союзников. Ни о каком равноправном партнерстве с разоренной и истерзанной Россией не могло быть и речи. Грозно стучал кулаком по столу, бывший союзник по антигитлеровской коалиции намеривался спросить со Сталина за многое, и для советского лидера будет большим счастьем сохранить свою страну в границах августа 1939 года.

Вот какие возможности открывались перед британским премьером в конце 1942 года, который был готов биться на землях Северной Африки до последней капли крови американского и канадского солдата. Начало операции «Факел» было назначено на 8 ноября. Полностью поглощенный предстоящей высадкой, Черчилль требовал от представителей британского адмиралтейства постоянно держать его в курсе всех событий. Все его мысли и думы были полностью сосредоточены на Северной Африке, и когда ему докладывали о нехватке запасов угля для предстоящей зимовки, он пренебрежительно махал рукой.

— Народ может подождать, когда страна находится в преддверии больших побед! У самого английского короля во дворце не горит большая часть его каминов! — гневно воскликнул сэр Уинстон. — У меня самого в резиденции камин горит только три часа вместо положенных четырех, и ничего, держусь! Сегодня мы все в одном строю и испытываем одинаковые неудобства ради одной цели — победить Германию.

Когда адмирал Каннингем доложил премьеру, что французы оказывают ожесточенное сопротивление союзному десанту, пытающемуся высадиться в Федале, Сафи и Мехдии, у того возникло сильное волнение. Под ложечкой неприятно засосало, заныло в правом виске – одним словом, появились все признаки приближающихся неприятностей.

Когда же стало известно, что главную проблему для десанта в Федале создают пушки французского линейного корабля «Жан Бар», Уинстона пробила дрожь вперемежку с яростью.

– О черт! Так и знал! Чувствовал, что эта недоделанная французская посудина обязательно влезет и испортит все дело. Как нам не повезло, что мы не смогли вовремя отправить его на дно морское! – бормотал взбудораженный Черчилль, вспоминая операцию «Катапульта» двухлетней давности.

– Не стоит так беспокоиться, сэр Уинстон, – стал успокаивать премьера его военно-морской адъютант командор Хьютон. – У американцев один только линкор «Массачусетс» имеет 406-миллиметровые орудия против 360-миллиметровых пушек «Жан Бара». Вместе с крейсерами «Тускалуза» и «Уичита» и авианосцем «Рейнджер» они приведут французов к молчанию.

– Вы забываете о той степени обозленности на нас французов за Мерс-эль-Кебир. Они будут сражаться до последнего солдата, до последнего снаряда. Мерзкие люди. К тому же нельзя забывать, что у них одиннадцать подводных лодок,

способных сказать свое веское слово, – как истинный британец, премьер постоянно помнил о той морской блокаде, что устроили его родному острову немецкие подводные лодки сейчас и двадцать с лишним лет тому назад.

– Самолеты «Рейнджера» способны заметить и потопить любую подлодку, идущую в боевом положении.

– Охотно в это верю, но постоянно помню о его величестве случае, который любит рушить, казалось бы, незыблевые расчеты.

– Давайте подождем, сэр, – миролюбиво предложил командор, но вновь поступившие сообщения не прибавили оптимизма. Выяснилось, что из-за неучтенной силы течения эсминцы эскорта потеряли баржи с десантом, из-за чего они в нужный момент оказались без огневого прикрытия. Под огнем французской обороны они смогли приблизиться к берегу, где их ждало новое испытание в виде рифов.

Часть кораблей с десантом наскочила на подводные камни, и морская вода стала проникать в их трюмы. Все это произошло столь стремительно, что находившиеся на баржах солдаты не успевали покинуть их, а те, кто мог выбраться на палубу, не успевали избавиться от тяжелого вооружения итонули.

Те самоходные баржи, что сумели благополучно преодолеть смертельный барьер, столкнулись с другой проблемой в виде прибрежных мелей. Их присутствие стало неожиданностью для капитанов десантных барж, вследствие чего они

все прочно сели на мели и не смогли вернуться за новой частью десанта. Тем самым обрекая уже высадившиеся соединения на уничтожение.

К огромному счастью для американских солдат, в рядах французского командования в Федале не было единства. И если моряки с летчиками были готовы оказать американцам упорное сопротивление, то армейское командование было склонно сдаться янки, но на почетных условиях. С одним из таких командиров полковником Ксавье встречались американские разведчики, и он обещал оказать максимально возможное содействие союзному десанту.

По воле случая, десант с севших на мель барж оказался в секторе обороны полковника Ксавье. Многие американские, канадские и английские матери должны были занести полковника Ксавье в свой поминальник и благодарить его по нескольку раз на день за то, что он приказал своим солдатам только сдерживать продвижение неприятеля, а не атаковать и сбросить его в море.

Знай все это Черчилль, вкупе с сообщением о том, что французские подлодки потопили один из эсминцев сопровождения и повредили крейсер «Тускалуза», а «Жан Бар» заставил отступить линкор «Массачусетс», британский лидер обязательно бы выпил хороший бокал бренди, и даже не один. Однако, зная манеру поведения своего патрона, командор Хьютон не спешил докладывать премьеру всех новостей.

Он до конца верил в успех десантной операции и оказал-

ся прав. Мощь обрушившегося на французские берега союзного десанта в разы превосходила противостоящие им силы. Потерпев неудачу в одном месте, американцы преуспели в другом секторе высадки десанта.

Высадившийся в ста пятидесяти километрах к югу от Касабланки американский десант добился оглушительного успеха в так называемом «Зеленом секторе» в районе Сафи. Прикрывавшие самоходные баржи с пехотой и артиллерией линкор «Нью-Йорк» и крейсер «Филадельфия», не жалея снарядов, принялись громить береговую оборону французов. С величавой легкостью и презрительной неторопливостью американские корабли безжалостно перепахали вдоль и поперек всю прибрежную линию, после чего началась высадка десанта.

Гробовое молчание берега, что сопровождало всю высадку от начала до конца, обе стороны объясняли по-разному. Американцы, естественно, объясняли это успехом своих артиллеристов, чей огонь уничтожил все береговые батареи противника и подавил все его огневые точки.

В свою очередь, французы сваливали всю вину на сенегальцев, составлявших большинство среди солдат, обороňающих Сафи. Чернокожие дети Африки, впервые в своей жизни попавшие под столь мощный артиллерийский обстрел, дружно бежали с рубежей обороны, позволив белым людям самим выяснить между собой отношения.

Когда командующий обороной Сафи генерал Жермон

узнал о бегстве сенегальцев, он попытался выбить американских десантников с их позиций, но все его усилия оказались напрасными. Подготовка французов к контратаке десанта была замечена самолетами-корректировщиками и передана по радио на корабли. Американские моряки без задержки обстреляли места скопления войск противника, а поднятые в воздух бомбардировщики с эсортного авианосца нанесли бомбовый удар по аэродрому Сафи. Быстрым и стремительным ударом они на земле уничтожили все самолеты французов, так и не успевшие подняться в воздух.

После столь сокрушительного двойного удара уже ничто не могло помешать американцам завершить высадку десанта. В течение суток они переправили на берег средние танки, тяжелую артиллерию, грузовики, запасы бензина, боеприпасов и продовольствия, после чего, не встречая сопротивления, янки двинули на север.

Успех в Сафи был единственным успехом в этот день для союзных войск, ибо десант в районе Мехдии, а точнее, крепости Касба, также потерпел неудачу. Здесь не было эшелонированной обороны и крупных сил, что оброняли побережье от высадки десанта. Для орудий линкора «Техас» и крейсера «Саванна» не было достойных целей, которые следовало немедленно уничтожить. Главный враг американцев заключался в их крайне плохой организации высадки десанта.

Плохо управляемые, незнакомые с местными прибрежными течениями, десантные баржи постоянно сталкивались

друг с другом или садились на мель, надолго выходя из строя. Все это привело к тому, что в первый день десантирования только сорок процентов сил десанта было высажено на берег, а остальные продолжали находиться на кораблях из-за отсутствия средств высадки.

Только во второй половине дня французы попытались атаковать американцев. Против них было брошено до батальона танков при поддержке пехоты, и это была серьезная угроза. По злой иронии судьбы, вся противотанковая артиллерия осталась на кораблях, и в распоряжении десантников имелись только одни минометы.

Положение, как всегда, спасла спрятавшаяся за холмами кавалерия, а точнее сказать, авиация с эскортных авианосцев. Поднятые в воздух в самый последний момент штурмовики «Тандерболт» смогли сказать свое решающее слово там, где было невозможно приметить корабельную артиллерию. Из-за близкого соприкосновения американского десанта и атакующих французов была большая угроза нанести удар по своим войскам.

Мастерство и умение, которое продемонстрировали американские пилоты в этом бою, а также их смелое решение применить против танков и пехоты французов глубинные бомбы, помогли десанту отразить эту атаку. Наступившая темнота развела противодействующие стороны, подведя черту под первым днем боев во французском Марокко. Он закончился для американской стороны весьма неутеши-

тельным итогом, но многократное превосходство в авиации, кораблях и артиллерию, в конце концов, смогло исправить допущенные янки ошибки.

Поднятые в воздух бомбардировщики засыпали французский линкор «Жан Бар» своими бомбами, две из которых весом в 500 килограммов путем прямого попадания отправили его на дно. Развороченный взрывами корабль столь прочно погрузился на илистое дно, что над поверхностью моря остались лишь его мачты и трубы.

Вслед за этим американские корабли привели к молчанию все береговые батареи французов, а поднятые в воздух самолеты отразили попытку французских подлодок вновь провести торпедную атаку. Летчики потопили две подводные лодки противника, заставив остальные уйти в глубину океана и отступить.

Лишившись всех возможностей помешать американцам высадить вторую волну десанта, французы попытались контратаковать противника, однако тут вновь свою роль сыграло предательство полковника Ксавье. Он под всяким предлогом отказывался выполнять приказ адмирала Мишле, а когда тот сместил его с должности и отдал под суд, было уже поздно. Американцы высадились ещё в двух «Красных секторах», и сбросить в море превосходящего по численности противника у французов не получилось. К концу вторых суток американские десантники вошли в Федале и окружили ставку адмирала.

Не желая лишний раз проливать кровь американских солдат, командующий американским десантом генерал Хопкинс обратился к французскому адмиралу с предложением о сдаче, и тот затребовал личной встречи.

Многие после столь яростного сопротивления со стороны французов отговаривали Хопкинса от этого шага, предлагая послать специального офицера, но генерал отказался, перефразировав знаменитое изречение Генриха IV.

— Касабланка стоит встречи, — произнес американец и смело отправился в штаб Мишле в сопровождении одного адъютанта. Злые скептики не надеялись вновь его увидеть живым и здоровым, но их опасения были напрасными. Встретившись лицом к лицу с Мишле, Хопкинс пожал ему руку и выразил глубокое сожаление, что американским кораблям и самолетам пришлось вести огонь по французам. Вслед за этим генерал выразил надежду на дальнейшее сотрудничество, и его слова тронули сердце адмирала. Обсудив условия сдачи для своих солдат и офицеров, он отдал приказ прекратить сопротивление не только в Федале и Мехдии, но и на всем побережье, включая Касабланку и Дакар.

Участвуя в разработке операции «Факел», англичане специально настояли на том, чтобы высадка союзного десанта на побережье французского Марокко началась на несколько часов раньше, чем высадка английского десанта в Средиземном море в портах Алжир и Оран. Этим самым хитрые британцы убивали сразу двух зайцев. Вводили в заблуждение в

отношении своих намерений ненавидящих их французов и притягивали в район Касабланки немецкие подводные лодки, что постоянно дежурили в районе Гибралтара.

При этом трясущиеся над своими кораблями англичане придавали второму фактору большее значение, чем первому.

Первоначально план операции «Факел» подразумевал высадку союзного десанта только на побережье Атлантики, с последующим продвижением американских войск в Алжир и Тунис. Так было просто и спокойно, но тут в дело вмешался президент Рузвельт. Согласившись на южный вариант второго фронта и отсрочку высадки войск союзников во Франции, президент США потребовал более широкого участия в операции «Факел» английских войск.

— Если мы союзники, то должны вносить свои вклады в общее дело. Учитывая сложное положение Соединенного Королевства, я не настаиваю на том, чтобы его вклад был равным нашему вкладу в предстоящую операцию. Однако то положение, которое предлагает нам премьер Черчилль, когда воюют американцы, а англичане сидят дома, недопустимо. Пусть переборют свой страх перед немцами и начнут действовать. Пусть мы ударим по Марокко, а они высадятся в Алжире. Это ближе для их флота и хорошо знакомое дело, — потребовал Рузвельт от начальника объединенных войск, генерал-лейтенанта Эйзенхауэра, и его позиция была доведена до британской стороны.

Узнав о требовании президента, англичане стали убеждать американцев, что английский десант во французский Алжир вызовет ожидаемое жесткое сопротивление со стороны противника.

– Зачем лишние и абсолютно ненужные жертвы?! – со слезой в голосе обращались они к Эйзенхауэру, дабы тот смог повлиять на президента, однако Рузвельт был неумолим.

– Ничего не имею против того, чтобы в состав британского десанта были включены американские офицеры, и если так нужно, то и сержанты. Это поможет англичанам обмануть французов, а у наших парней, кроме боевого опыта, появится и опыт сотрудничества, – заявил ФДР, и Черчиллю пришлось подчиниться. План операции «Факел» был дополнен пунктом высадки английских войск в Алжире и Оране.

Чтобы свести потери среди британских войск к минимуму, британцы принялись обрабатывать французских генералов, руководящих обороной Алжира, на предмет капитуляции. Специальные посланники выходили на генералов и адмиралов колониальных войск, суля им всяческие блага и прощения за прежние прегрешения, если они в нужный момент не прояवят должной активности и не отдадут приказ к сопротивлению.

Работа британской разведкой было проведена огромная и принесла ощутимые результаты. Когда английские корабли, пройдя Гибралтар, приблизились к порту Алжир и стали проводить высадку десанта, они не встретили никакого со-

противления.

Командующий французскими войсками генерал Жиро приказал не мешать действиям высадки англо-американских войск, хотя имелись все возможности сорвать высадку десанта. Англичанам, равно как и американцам в Марокко, мешала крайне плохая организованность. В районе Алжира мелей, слава богу, не было, но поднявшееся на море волнение серьезно затрудняло движение английских десантных кораблей. Они постоянно сталкивались друг с другом, высаживали батальоны не там, где это было нужно, и французам не стоило бы большого труда отразить натиск первой волны.

Склонность армейской верхушки сдаться без боя американцам и готовность моряков сражаться до последнего проявилась в этот вечер 8 ноября, когда два британских эсминца попытались под покровом темноты прорвать боновое заграждение и захватить порт.

Бдительно несшие боевое дежурство расчеты прожекторов засекли корабли противника на подходе к гавани и подняли тревогу. В результате открытого огня береговыми батареями один из английских эсминцев получил попадания и, потеряв ход, был вынужден отвернуть.

Второй корабль смог прорвать заграждение и проникнуть в гавань. Несмотря на огонь с берега, он подошел к причалу и высадил десант английских коммандос, однако на этом его везение кончилось. Десант был обстрелян и взят французами в плен, а сам эсминец при попытке вырваться из гавани

получил пробоину и вскоре затонул.

Такая же картина была при высадке десанта в районе Орана. В одном месте французские войска оказали слабое сопротивление десанту, в другом сопротивления не было никакого, хотя генерал Бертье имел все возможности остановить противника, потерявшего девяносто процентов своих десантных средств из-за неправильного ими управления.

Единственными боевыми потерями со стороны кораблей союзной коалиции были два сторожевых корабля с морской пехотой США, попытавшихся проникнуть в гавань Орана. Шедший головным сторожевик «Хартланд» сразу после входа в гавань попал под огонь французских эсминцев и торпедного катера. Получив прямое попадание торпеды, он взорвался и затонул вместе со всем экипажем и десантом, находящимся на его борту.

Второй сторожевик «Уолли», несмотря на огонь противника, попытался приблизиться к пирсу и высадить на нем десант. Корабль был в тридцати метрах от пирса, когда угодивший в него снаряд вывел из строя машину, и сторожевик стал дрейфовать. От огня противника на нем начался пожар, а всех, кто пытался покинуть его палубу, срезали пулеметные очереди. Охваченный огнем, под непрерывным обстрелом, сторожевик продержался очень короткое время, а после прогремевшего на его борту взрыва затонул.

Столкнувшись со столь яростным сопротивлением, курирующий тему переговоров с американской стороны Джозеф

Мэрфи вышел напрямую на адмирала Дарлана и уговорил его на капитуляцию перед Соединенными Штатами, а не перед Британией.

Адмирал, у которого вся семья находилась в Алжире, не стал проявлять сильного упорства в данном вопросе. Святившись для очистки совести с маршалом Петеном, он приказал войскам сложить оружие.

Не все подразделения французских войск согласились выполнить приказ адмирала. Так, гарнизон Орана отказывался сложить оружие до конца 10 ноября. Пока сам Дарлан не приехал к ним и не показал секретный приказ маршала Петена прекратить сопротивление. Глава правительства Виши решил заработать свой клок шерсти с обреченной на заклание овцы. Внешне призывая французов к сопротивлению, он был готов оказать важную услугу американцам в надежде на то, что в свое время она ему зачтется.

Утром 11 ноября Черчилль обратился к английскому народу с радостным известием. В нем, не жалея ярких красок и громких эпитетов, британский премьер известил о грандиозной победе, которую одержали над противником союзные войска в Африке.

— Уверенным шагом наши войска наступают на Тунис, для того чтобы отрезать и окружить войска фельдмаршала Роммеля, и ничто не сможет им помешать сделать это, — восторженно вещал Черчилль, и английский народ, истосковавшийся от долгих военных неудач, охотно ему внимал. Все

верили, что ещё чуть-чуть, полгода, годик, и союзные войска одержат победу над немцами и наступит долгожданный мир.

Когда начальник Генерального штаба генерал Василевский доложил Верховному Главнокомандующему об успехах союзников в Африке, тот снисходительно усмехнулся.

— Судя по тому «ожесточенному» сопротивлению, что оказывают французы англичанам и американцам, их действия больше напоминают оккупационное мероприятие, направленное на захват земель у туземцев, чем полноценную военную кампанию. В этом случае господин Черчилль мало чем отличается от Геббельса. Говоря английскому народу о захвате огромных территорий, он уводит внимание людей от своих скромных успехов в Египте. Что Роммель, отступает?

— Да, товарищ Сталин. Согласно поступившим по линии разведки сведениям, немцы спешно отводят свои войска к Тунису, где намерены закрепиться и дать англичанам бой.

— Значит, Гитлер не намерен покидать Африку. Ставя политический престиж выше стратегических интересов, — покачал головой Сталин, — возможно, он поступает правильно, возможно, нет, но, намереваясь сражаться за Тунис, он играет нам на руку. Какова численность войск фельдмаршала Роммеля?

— Трудно сказать точно, товарищ Сталин. Наши специалисты предполагают от ста до ста пятидесяти тысяч, не считая подчиненных ему итальянских войск.

— Почти целая группировка, с танками, самолетами, пуш-

ками. Появись она на нашем фронте в нужное для немцев время, наверняка бы смогла сказать свое веское слово и под Севастополем, Ленинградом, Сталинградом или на Бакинском направлении. Однако не появилась, и успеха добились мы, а не они.

Сталин подошел к лежавшим на специальном столе картам и, ткнув в одну из них трубкой, произнес:

– Господин Черчилль до сих пор предлагает нам поручить оборону Баку британским войскам из числа оккупационного контингента в Иране. Готов для прикрытия бакинских нефтяных приисков перебросить всю авиацию из Басры и Багдада, ради того чтобы взять под свой контроль наш главный источник стратегического сырья, – в тигриных глазах вождя мелькнула искра гнева. – Нет, спасибо. Мы как-нибудь сами справимся с защитой Баку.

Закончив заочный диалог с британским премьером, Сталин повернулся к стоявшему возле стола Васильевскому.

– Ну, а что мы? Сможем достойно ответить на успехи наших союзников в Африке удачным наступлением под Сталинградом?

– У вас появились сомнения в предстоящей операции, товарищ Сталин?

– Не у меня, а у одного командующего дивизией генерала, которому предстоит осуществить прорыв немецкой обороны. Он прислал мне письмо с довольно грамотно обоснованными сомнениями.

– Вы предлагаете перенести срок операции до выяснения правильности его сомнений или намерены отстранить его от командования?

– Нет, не то и не другое. О переносе сроков наступления не может быть и речи. Противник может в любой момент вскрыть наши приготовления, и тогда все наши труды пойдут прахом. Что касается генерала, то я попросил его оставаться на своем посту и с честью выполнить свой солдатский долг перед Родиной. Однако мне будет гораздо спокойнее, если вы, товарищ Василевский, отправитесь на фронт и лично проследите за подготовкой наступления и его началом.

Услышав подобные слова, начальник Генерального штаба вытянулся в струнку и обиженным голосом произнес:

– Кому прикажите сдавать дела, товарищ Сталин?

– Сдавать никому не надо, товарищ Василевский, оставьте за себя на ваш взгляд толкового работника и отправляйтесь.

– Начальник оперативного отдела генерал Антонов – лучшая кандидатура.

– Раз вы так считаете, не буду с вами спорить. Пусть будет генерал Антонов. Сейчас очень важно то, что будет, там, на фронте, а не здесь в Москве.

Верховный подошел к генералу и протянул ему руку.

– Успехов вам, товарищ Василевский. Мы на вас очень рассчитываем в столь большом и важном деле.

Глава I

Трудный разговор

Холодна и сурова была наступившая зима конца 1942 года в низовьях Волги. Ледяной морозной стужей сковала она реки и землю на подступах к Сталинграду, обильно засыпав снегом бескрайние степные просторы, похоронив под ними надежды солдат 6-й армии генерал-полковника Паулюса на скорую победу. Захватив большую часть города, они были вынуждены прекратить свое наступление. Так и не сумев до конца сломить яростное сопротивление его защитников и сбросить их в Волгу, как неоднократно обещало Берлинское радио.

Желая спасти лицо, министр пропаганды доктор Геббельс поспешил назвать возникшую паузу в наступлении германских войск временной, которая необходима для перегруппировки сил, перед новым наступлением на большевиков. Однако ни у кого из обитателей ставки ОКХ под Цоссеном не было сомнений, что наступательный порыв немецких войск и их союзников в южной части Восточного фронта полностью выдохся. Что войска группы армий «Б» прочно завязли в степях под Сталинградом, а войска группы армий «А» так и не смогли перевалить через Кавказский хребет и захватить нефтяные прииски Баку.

Сводки о состоянии 6-й армии, что каждый день аккуратно ложились на стол фюрера вместе с обстоятельными докладами оперативного отдела из штаба ОКХ, убедительно свидетельствовали о том, что под стенами Сталинграда сложилась патовая ситуация. Немцы никак не могли уничтожить последние очаги сопротивления противника на правом берегу Волги, тогда как советские войска не могли прорвать оборону врага на его северном фасе и соединиться с защитниками Сталинграда.

Разведка адмирала Канариса также регулярно доносила, что русские намерены в ближайшее время попытать счастья под Шлиссельбургом и Демянском. Не исключались возможности наступления войск противника под Ржевом, Воронежем, Новороссийском, но никак не в районе Сталинграда. Там по приказу Москвы они подобно 6-й армии перешли к вынужденной обороне.

Собранные воедино, все эти сведения давали в целом понятную и ясную картину, которая если и не вызывала особой радости, то и не порождала серьезных опасений. Исходя из этого, верховный командующий вермахта приказал войскам 6-й армии готовиться к зиме, чтобы весной вновь испытать свое военное счастье. Генерал Паулюс с радостью откликнулся на приказ Берлина, отдал необходимые указания, как вдруг дикие азиаты преподнесли немецким войскам неприятный сюрприз.

Вопреки всем ожиданиям и прогнозам, в середине ноября

ря они начали мощное наступление двумя фронтами, которое по своей силе и значимости можно было смело сравнить с прошлогодним контрнаступлением Красной Армии под Москвой.

Умело используя то, что из-за нехватки сил немецкое командование было вынуждено поручить оборону своего северного и южного флангов румынским и итальянским союзникам, русские сумели прорвать линию фронта и устремились в тыл 6-й армии.

Все попытки Паулюса остановить продвижение врага и восстановить линию обороны окончились неудачей. Из-за спешки и неразберихи переброшенные к месту прорыва русских немецкие войска были вынуждены вступать в бой по частям. Это приводило к тому, что противник успешно их перемалывал и продвигался в немецкий тыл все глубже и глубже навстречу друг другу.

За несколько дней успешных боев, к концу ноября войска Донского и Сталинградского фронта соединились в районе города Калач-на-Дону и, окружив войска генерала Паулюса, образовали огромный котел с внешним и внутренним обводами.

Известие о прорыве фронта под Сталинградом и окружении 6-й армии вызвало сильный приступ ярости у фюрера. Ещё вчера он строил наступательные планы, и вдруг одна из лучших армий вермахта в составе двадцати двух дивизий оказалась в окружении войск противника, что ставило под

угрозу весь южный фланг Восточного фронта.

Для выправления положения дел требовалось предпринять экстренные меры, и Гитлер вызвал в ставку фельдмаршала Манштейна.

Из всех немецких военачальников, воевавших на Восточном фронте, в своем послужном списке он меньше всех генералов имел число неудач в борьбе с большевиками. Удачный прорыв русской обороны в Прибалтике, захват и удержание Крыма, недопущение полного снятия блокады Петербурга – все это делало Эриха Манштейна самым перспективным военачальником, которому можно было поручить миссию по спасению 6-й армии Паулюса.

К моменту начала русского наступления под Сталинградом фельдмаршал находился в Берлине, и для его вызова в ставку к фюреру потребовался простой автомобиль, а не транспортный самолет, как это было обычно.

– Благодаря трусости наших румынских и итальянских союзников, русским удалось прорвать фронт наших войск в районе Сталинграда и временно окружить находящиеся там наши дивизии. Чтобы исправить положение и деблокировать 6-ю армию Паулюса, мною принято решение о срочном создании группы армий «Дон», на базе вашей 11-й армии со штабом в Новочеркасске. Командование этой группировки поручается вам, господин фельдмаршал, – торжественным голосом объявил Гитлер, внимательно наблюдая за реакцией Манштейна на его слова.

Получение фельдмаршальского жезла и «капусты» (дубовые листья) к Рыцарскому кресту подразумевало в понимании Гитлера проявление со стороны собеседника если не бурного восторга, то хотя бы сдержанной радости за доверие, оказанное ему со стороны фюрера. Так в свое время реагировали Роммель и Модель, а совсем недавно Клейст, получив под свое командование войска группы армий «А» на Кавказе. Однако, в отличие от них, Манштейн ограничился проявлением холодной сдержанности.

— Спасибо за доверие, мой фюрер, — военачальник коротко и учтиво склонил голову перед верховным командующим сухопутных сил рейха. — Вверенная мне 11-я армия сделает все, чтобы выполнить поставленную перед ней вами задачу. Но прежде чем приступить к её выполнению, хотелось бы узнать, какое количество войск будет выделено для осуществления прорыва вражеского кольца окружения.

Последние слова Манштейна вызвали на лице у Гитлера плохо скрываемое недовольство. Вместо того чтобы скромно стоять возле стола и внимать всему тому, что ему скажут, фельдмаршал, как последний лавочник, принялся торговаться.

«И это прусская школа!» — с негодованием про себя подумал Гитлер, лишний раз убеждаясь в том, что между ним и прусскими потомственными аристократами никогда не будет взаимопонимания. Как будто они говорят на разных языках.

– Не беспокойтесь, – скривился фюрер. – Мы с господином Цейтцлером уже все обдумали. Кроме соединений 11-й армии, переброска которых под Новочеркасск уже началась, на правом фланге вы получите две румынские дивизии, а также все соединения 4-й танковой армии генерала Гота, избежавшие окружения врага под Сталинградом. Кроме этого, из состава группы армий «А» вам передается 23-я танковая дивизия со штабом 57-го танкового корпуса, а из Европы должна прибыть 6-я танковая дивизия.

На левом фланге вам передается 3-я румынская армия генерала Ласкара в составе двух корпусов, вместе с группой генерала Холлидта составляющая на данный момент пять пехотных дивизий. Этих сил вполне достаточно, чтобы прорвать кольцо блокады и, освободив 6-ю армию, восстановить прежнее положение.

– Кому будут подчинены соединения 6-й армии на период проведения операции по прорыву блокады – мне или штабу ОКХ?

– Вам, – после недолгой паузы произнес фюрер, но тут же добавил: – Согласно нашему решению с генералом Цейтцлером, они смогут оказать вам содействие только на самом последнем этапе операции.

– Разве они не будут наносить встречный удар при прорыве блокады? – удивленно вскинул брови фельдмаршал.

– Нет. Из-за ограниченного количества боеприпасов войска генерала Паулюса будут задействованы исключитель-

но для удержания рубежей внешней обороны. Рейхсмаршал обещает наладить воздушное снабжение 6-й армии, но быстро организовать отправку 200 тонн грузов в день очень трудно. Когда воздушный мост начнет действовать в полную силу, возможно, мы изменим Паулюсу задачи, а пока только оборона.

— Для нанесения двух деблокирующих ударов выделенных войск откровенно мало, тем более что часть из них румыны.

— Я все прекрасно понимаю, но, к сожалению, ничем не могу вам помочь. Одновременно с наступлением под Сталинградом Сталин начал активные боевые действия под Ржевом и Петербургом, и мы не можем снять в помощь вам оттуда ни одной дивизии. Организуйте один удар и освободите Паулюса от русских оков. Я твердо убежден, что это вам по силам. Ведь вы один из лучших военачальников рейха, — попытался сыграть на самолюбии собеседника Гитлер. — Проведите успешно операцию «Зимняя гроза», и получите мечи (нож с вилкой) к своему Рыцарскому кресту с персональной пенсией.

— Благодарю вас, мой фюрер, за добрые слова и щедрые обещания, но я настаиваю на том, чтобы в случае крайней необходимости генерал Паулюс нанес вспомогательный удар в сторону наших войск. В противном случае я не могу ручаться за успех операции. Прошу понять меня правильно, — Манштейн поднял голову и стойко выдержал буравящий взгляд Гитлера, который не выдерживали многие из его

генералов.

Все они в свое оправдание говорили, что фюрер обладает магнетической силой воздействия на людей, но на Манштейна флюиды бывшего ефрейтора, а ныне верховного командующего сухопутными войсками не действовали.

— Хорошо, — потерпев неудачу на ментальном фронте, со вздохом молвил Гитлер. — В случае необходимости такой приказ будет отдан, — пообещал фюрер, не уточнив при этом, кто именно отдаст 6-й армии приказ о наступлении. Равно как и границы критерия крайней необходимости, которые каждый из собеседников понимал по-своему.

Прекрасно понимая двоякость создавшегося положения, Манштейн не стал спорить с Гитлером по этому вопросу и решил подойти к сути вопроса с другой стороны.

— Вы говорили, что суть операции «Зимняя гроза» — деблокада 6-й армии из кольца окружения и восстановление прежнего положения на фронте. В условиях, когда мы не можем перебросить дополнительные силы с других участков фронта, последняя часть предстоящей операции мне кажется мало выполнимой.

— Что вы предлагаете? Оставить Сталинград? — тон, которым был задан вопрос, был откровенно резким, но Манштейн его не испугался. Часто общаясь с фюрером, он хорошо уяснил, что тот стремится всем своим видом и воинственным поведением подавить волю собеседника, сделать его послушным орудием в своих руках, но, столкнувшись с твер-

дым отпором, никогда не позволял себе переходить границы общения. Он мог кричать на Гальдера, Кейтеля, Цейтцлера, которые позволяли ему это делать, но никогда не решался кричать на Клюге, фон Бока и Манштейна.

– В сложившихся условиях самым правильным и целесообразным шагом после прорыва блокады будет отведение 6-й армии на западный берег Дона. Этим мы сократим протяженность фронта, увеличим численность войск и избежим угроз новых фланговых ударов со стороны врага. А самое главное, не позволим русским захватить Ростов, с падением которого возникнет угроза окружения всех войск групп армий «А» на Кавказе, что чревато падением всего южного фланга Восточного фронта.

– Не стоит беспокоиться за Кавказ, Манштейн! В случае необходимости фельдмаршал Клейст сумеет не только организовать грамотный отход, но и прорвёт любое вражеское окружение. Что касается отвода войск на западный берег Дона, то это грубейшая, нет – чудовищная ошибка! – пафосно воскликнул фюрер, но фельдмаршал твердо стоял на своем.

– Содержание Сталинградского выступа обойдется нам слишком дорого. Он поглотит все наши резервы на юге, и по прошествии времени мы все же будем вынуждены отойти к Дону. Но отойдем в гораздо худшем состоянии и худшем положении, чем мы находимся сейчас.

– Вы излагаете свое видение дел как типичный представитель прусской школы начала века, неспособный оторвать-

ся от замшелых шаблонов прошлого. Сейчас другое время и идет другая война, которая требует от нас иного видения и мышления. Почему Сталин, вопреки всему, сумел остановить наши войска под Москвой? Потому что смог обескровить их непрерывными контрударами и изнурительными боями за каждый клочок своей земли. Я прекрасно понял его хитрую тактику, взял на вооружение, и она помогла нам избежать сокрушительного разгрома наших войск под Москвой прошлой зимой.

Когда я под страхом смерти запретил отступать и приказал держать каждый город, каждую станцию, каждую деревню, многие были не согласны со мной и ради выравнивания линии фронта предлагали отступить к Смоленску и Вязьме. И что?! Время показало, что был прав я, а не мои советчики генералы! Понеся колоссальные потери, русские так и не смогли взять Ржев и Гжатск, которые стали для них непреодолимым барьером! Они целый год пытаются отобрать у нас крепости Ржев и Гжатск, и все напрасно. Учитывая, как важен Сталинград для нас и для русских, я решил объявить его крепостью Сталинград, которая никогда не будет сдана врагу! – Гитлер требовательно посмотрел на Манштейна, ожидая если не восторга, то хотя бы понимания с его стороны, но тот остался глух к словам фюрера и приведенным им аргументам.

– Боюсь, что присвоение Сталинграду статуса крепости мало чем поможет положению дел на Волге. Вытянутый па-

лец всегда легче отрубить, чем воевать с целым кулаком. Так было и так будет, — покачал головой фельдмаршал, чем вызвал у фюрера настоящий приступ злости и негодования.

— Вся ваша беда, Манштейн, что вы мыслите исключительно как военный, но никак не политик. Оставление города, носящего имя лидера страны, нанесет нам не столько тактический, сколько мощнейший стратегический вред! Поживите сами. Доктор Геббельс на всех углах страны твердит, что мы захватили Сталинград, что победа на берегах Волги у нас в руках, и вдруг мы отступаем! Мы оставляем Сталинград!

Как обрадуются этому наши враги: русские, американцы, англичане, — и как огорчатся немцы, чьи близкие погибли в битве на берегах Волги. Как вы объясните им, почему мы отступили из города, где почти каждый камень полон немецкой кровью?! Хотя этого вы делать не будете!!! Вы только советуете, а отвечать перед немецким народом придется мне и только мне!!!

Стоявший рядом с Гитлером генерал Цейтцлер посерел от страха, съежился, но Манштейн только скромно опустил глаза и терпеливо ждал, когда фюрер закончит свою «филиппику» в его адрес. Видя, что вновь проиграл борьбу, теперь уже на духовном фронте, Гитлер перестал «метать бисер перед свиньями» и быстро спустился с небес на грешную землю.

— Что вы молчите?! Вы по-прежнему не согласны со мной относительно важности роли Сталинграда?!

— Вопрос тактики всегда был самым сложным вопросом в военном деле и порождал массу споров. Правильные ответы всегда знало только одно время, — фельдмаршал умело ушел в сторону от абсолютно ненужных споров. Оседлав любимого конька, фюрер мог спорить, часами отстаивая правоту своей точки зрения. В таких случаях цоссенские остролеты учили спрашивали Цейтцлера, одержал ли он победу, и если тот отвечал положительно, неизменно уточняли, на каком раунде.

— В таком случае я не буду отнимать у вас время, господин командующий группой армий «Дон». Желаю вам успеха в борьбе с нашими врагами и в спасении генерала Паулюса.

— Спасибо за добрые слова, мой фюрер, — Манштейн учили склонил голову и поспешил покинуть ставку.

Штаб 11-й армии уже находился в Новочеркасске, но фельдмаршал не смог быстро попасть туда. Сначала ему путь преградила снежная стихия, заставившая его самолет сесть в Смоленске и продолжить дальнейший путь на поезде.

Затем в дело вмешались русские партизаны, взорвавшие под Старобельском сразу в трех местах железнодорожное полотно, и Манштейн был вынужден покинуть поезд и пересесть на автомобиль. Под усиленной охраной он благополучно добрался до Новочеркасска, где его уже с нетерпением ждали начальник штаба генерал Шульц и начальник оперативного отдела полковник Боле.

Будучи верен своей старой привычке, фельдмаршал по-

требовал отвезти себя в штаб группы армий «Дон», вопреки предложению адъютанта отправиться в гостиницу и привести себя в порядок после долгой дороги.

— Дорогой Штальберг, сейчас мне гораздо важнее узнать все последние новости о положении на фронте, чем принимать горячую ванну и вкушать обед. Отдохнуть и подкрепиться мы сможем потом, а сейчас дело. Меня очень беспокоит положение румын. Уступив натиску русских под Сталинградом, они с успехом могут откатиться до самого Ростова, — честно признался офицеру Манштейн, но его страхи оказались напрасными. Благодаря умелым действиям начальника штаба 3-й румынской армии полковника Венка, за слоны из боевых групп румын и немецких тыловых соединений остановили продвижение противника к югу и западу от Сталинграда.

— Слава богу, Шульц! — воскликнул фельдмаршал, когда начальник штаба ему об этом доложил. — Этот вопрос не давал мне возможности уснуть последние двое суток. Как ведет себя противник? Продолжает наступление или занят со зданием плотного кольца окружения вокруг Паулюса?

— Скорее всего, второе, господин фельдмаршал. Получив отпор, русские перешли к временной обороне и, судя по всему, готовятся к разгрому соединений 6-й армии.

— Что же, вполне логично и понятно. Разгромив Паулюса, они развязнут себе руки и всеми силами обрушатся на нас. Кто из русских генералов нам противостоит?

- На южном фланге русскими войсками командует генерал Еременко, на северном фланге – генерал Рокоссовский.
- Что вам известно о генерале Еременко?
- Типичный сталинский выдвиженец из низов, поднявшийся наверх благодаря чисткам и хорошей анкете. Окончил Военную академию имени Фрунзе, но особых полководческих талантов за ним замечено не было.
- Недооценивать противника очень опасно, Шульц.
- Нисколько, экселенц. Еременко грамотный и толковый военный, хороший исполнитель порученного ему дела, но не более того. Кроме этого, он в своем роде невезучий генерал, а это, согласитесь, гораздо хуже, чем не иметь таланта вообще.
- И в чем проявляется его невезучесть?
- В июле прошлого года он не смог удержать Витебск и Смоленск, а в августе атаковать Гудериана, рвущегося в тыл Киевской группировке. В октябре попал в котел под Вязьмой и чудом смог вывести часть сил из окружения. Дважды был ранен и нигде не добился серьезного успеха.
- Одним словом, вы считаете Еременко слабым командиром.
- В сравнении с генералом Рокоссовским – безусловно. Он инициативный и думающий генерал, всегда стремящийся найти способ решения стоящих перед ним проблем. Наступая на северном фланге, он сумел добиться успеха, хотя ему противостояли немецкие войска, в отличие от генерала

Ватутина, чьим противником были исключительно румыны. Из-за густого тумана русские не могли использовать авиацию и в полную силу артиллерию, но это не помешало Рокоссовскому ударами танков и пехоты взломать и расчленить нашу оборону, подобно ударам кинжала.

— Благодарю вас, Шульц, я хорошо знаю, как воюет генерал Рокоссовский. Бьюсь об заклад, что для прорыва нашей обороны он сначала сосредоточил огонь на внешней линии обороны, и перенес его вглубь только с подходом к передовым траншеям своих танков и пехоты. А также выкатил на прямую наводку орудия, и они уничтожали наши точки обороны, не подавленные огнем. Я прав? — Манштейн вопросительно посмотрел на Шульца.

— Как всегда, экселенц. Все так и было, — фельдмаршал удовлетворенно кивнул головой и склонился над картой.

— Фюрер требует, чтобы мы нанесли по противнику два удара силами группы генерала Гота и Холлидта, но, как всегда, дает мало сил. Поэтому будет правильно нанести один удар, который должен поддержать генерал Паулюс.

— Этот удар вы намерены нанести на севере, против Рокоссовского? — спросил Манштейна начальник оперативного отдела.

— Почему вы так думаете, Боле?

— На севере минимальное расстояние, отделяющее наши войска от 6-й армии. Один хороший удар может решить все дело.

– Или погубить его. Генерал Рокоссовский наверняка в первую очередь учел этот вариант и делает все возможное, чтобы сделать этот участок своей обороны неприступным. Нет, удар мы будем наносить на юге, в районе Котельникова. Здесь у противника нет возможности перебросить войска по железной дороге, и значит, его оборона слабая. Еременко наверняка не ждет здесь нашего удара, думая, что мы изберем кратчайший путь, а мы поступим по-иному. Короткий путь не всегда лучший.

– Но какая выгода от этого удара, за исключением того, что нас здесь не ждут? Не лучше ли собрать все силы в один кулак и ударить на севере?

– Вы сами, Шульц, только что говорили, что Рокоссовский опасней Еременко. Зачем дергать тигра за усы и лезть ему в пасть, когда можно обойтись малой кровью? Из-за русского наступления под Ржевом нам не придется рассчитывать на большое подкрепление.

– Значит, у нас нет выбора в месте наступления, – с грустью констатировал генерал Шульц.

– Выходит, что так, – согласился Манштейн. – Пусть Холлидт своими войсками отвлекает внимание Рокоссовского, а мы ударим всеми танками Гота. Прорвав оборону русских, они легко дойдут до реки Мышкова, за которой до окраин Сталинграда голая степь в сорок километров. Думаю, что совместными усилиями с Паулюсом мы сможем их преодолеть.

Фельдмаршал удовлетворенно ткнул карандашом в точку на карте и обратился к начальнику оперативного отдела:

– У вас есть старый шифр, который наверняка читают русские?

– Найдем, господин фельдмаршал.

– Передайте им по радио Холлидту мой приказ о начале подготовки наступления на Калач, которое начнется сразу после подхода танков Гота. Пояснения пошлите с фельдъегерем под надежной охраной.

– Будет сделано, экселенц, – улыбнулся Боле.

– Теперь относительно генерала Паулюса. На время проведения операции «Зимняя гроза» фюрер передал управление 6-й армией нам, но, зная его характер, можно не сомневаться, что ОКХ будет пытаться командовать им через нашу голову, а заодно и нами самими, – недовольно хмыкнул фельдмаршал. – Для успешного выполнения операции нам надо будет иметь связь с Паулюсом напрямую и точно знать о положении его войск внутри котла. Поэтому вам обоим нужно будет как можно быстрее лететь к Паулюсу и на месте разобраться в положении дел. Выяснить количество окруженных дивизий, их численность, количество боеприпасов и запасов продовольствия. Геринг обещает наладить снабжение 6-й армии, но это дело не скорых дней, и я хочу точно знать, на что я могу рассчитывать. Также постарайтесь внушиТЬ генералу Паулюсу, что он подчинен мне, и я буду требовать от него неукоснительного выполнения своих приказов.

зов. Ясно?

– Так точно, экселенц.

– В таком случае я вас не задерживаю и жду с докладом через сутки. – Манштейн кивнул головой своим помощникам и удалился. Подготовка к «Зимней грозе» началась.

Глава II

Крушение надежд

Начальник Генерального штаба генерал-полковник Василевский по своей натуре был весьма сдержаным и осторожным человеком. Приняв участие в разработке плана операции «Уран», он воспринял решение Верховного Главнокомандующего отправить его в качестве представителя Ставки под Сталинград весьма болезненно. Никогда прежде начальник Генерального штаба не отправлялся на передовую для того, чтобы наблюдать воплощение в жизнь своих замыслов и предложений.

Маленькой толикой успокоения было то, что Сталин с таким же поручением отправил на Западный фронт своего первого заместителя генерала армии Жукова. Там он должен был наблюдать за осуществлением операции «Марс», к планированию которой он тоже приложил руку и которая должна была привести к разгрому противника под Ржевом и выходу советских войск к Смоленску.

Удачное начало операции и окружение части немецких войск под Сталинградом было незамедлительно отмечено Верховным Главнокомандующим, и из генерал-полковника Василевский неожиданно превратился в генерала армии.

Такой карьерный рост обычно вызывает радость, но Алек-

сандр Михайлович по-прежнему испытывал тревогу и озабоченность, так как следующим этапом его присутствия на фронте было осуществление операции «Сатурн», явившейся логическим продолжением «Урана». Её суть заключалась во взятии Ростова силами трех фронтов и окружении всей вражеской группировки на Кавказе.

Замысел был смелым и решительным, но, как любой большой замысел, был сопряжен с серьезными трудностями. Первая из них заключалась в том, что, вопреки ожиданиям, разгромленные наголову румыны не обратились в паническое бегство до самого Ростова, а смогли удержаться и отразить все удары советских войск. Создав, таким образом, некое подобие линии обороны перед армиями Юго-Западного фронта генерала Ватутина.

Второй трудностью было то, что окруженные дивизии противника оказывали упорное сопротивление советским войскам, и все попытки отбросить их вглубь кольца окружения не приводили к успеху. Создавалось впечатление того, что враг сумел оправиться от неожиданности и всячески старался перехватить наступательную инициативу из рук советских войск.

Следует отметить, что столь масштабный прорыв фронта и окружение немецких войск под Сталинградом были первым удачным моментом в истории Красной Армии. Все прежние прорывы вражеской обороны и окружения его дивизий имели исключительно тактический характер. Даже

знаменитое контрнаступление под Москвой уступало по своим размерам и значимости контрнаступлению под Сталинградом.

Наблюдая за событиями на этом участке фронта, генерал Василевский как никогда прежде остро ощущал это, равно как и правдивость утверждения о том, что мало одержать победу, надо ещё суметь удержать её результаты. Не имея подобного опыта проведения операции такого уровня, он был вынужден действовать с максимальной осторожностью и предусмотрительностью.

После того, как войска Донского и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения, Василевский покинул штаб Юго-Западного фронта и переместился в штаб Сталинградского фронта генерала Еременко. Причин для подобного переезда было несколько. Во-первых, выполнение операции «Сатурн» можно было провести только силами трех фронтов, и значит, нужно было как можно быстрее развязать себе руки с врагом, окруженным под Сталинградом. Во-вторых, из штаба Еременко Александру Михайловичу было удобней наблюдать за действиями врага как под Сталинградом, так и на Кавказе, и, в-третьих, Василевскому было комфортнее работать с Еременко, чем с Рокоссовским.

Человек, с первых дней своего назначения на пост командующего фронта заявивший, что ему не нужна помощь со стороны представителя Ставки Жукова, вряд ли бы стал смотреть в рот начальнику Генштаба, как это делал Еремен-

ко.

Стоило только Василевскому высказать мнение, как комфронт сразу же с ним соглашался. Тогда как всякий раз, общаясь с Рокоссовским, начальник Генштаба был вынужден обосновывать и доказывать генералу правоту своих решений. Так, словно он был не членом Ставки ВГК, а лишь её представителем, что вызывало в душе генерала недовольство.

Подобное недовольство вызывал у Василевского и тот факт, что, послав его на фронт воплощать одобренный план операции, Верховный постоянно контролировал все действия начальника Генштаба, требуя от него каждый вечер подробный отчет о положении на фронте, и всякий раз делал Василевскому замечание, когда отчет был подан не вовремя или в нем выявлялись неточности или ошибки.

Одним словом, Верховный Главнокомандующий тщательно бдел своего посланца. Вот и в этот раз не успел Александр Михайлович подтвердить свое прибытие в штаб комфронта Еременко, как раздался звонок по ВЧ.

– Здравствуйте, товарищ Михайлов (позвывной Василевского), – прогудела трубка голосом Сталина. – Как обстоят у вас там дела?

– Все хорошо, товарищ Васильев (позвывной Сталина). Прибыл к товарищу Еремину, чтобы на месте решить вопрос о скорейшем завершении операции «Уран».

– Вы уверены в том, что вам вместе с товарищем Ереми-

ным удастся это быстро сделать?

— Думаю, что совместными усилиями мы сможем решить эту задачу.

— Ничего не имею против коллективного творчества, но прошу учесть, что противник не будет сидеть сложа руки, ждать ваших действий. По всем данным, он уже пришел в себя, и в самое ближайшее время следует ожидать с его стороны попыток переломить положение в свою пользу.

— У вас есть сведения о наступательных намерениях немцев? — разом встрепенулся Василевский.

— Нет, товарищ Михайлов, — честно признался Верховный, — но не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять это.

Сталин перестал говорить, давая возможность генералу высказать свое мнение на этот счет, но Василевский молчал, и тогда вождь заговорил сам.

— Как вы относитесь к предложению товарища Костина передать ликвидацию окруженного противника одному из фронтов, поручив другому начать наступление на Ростов? С передачей, естественно, этому фронту части соединений, задействованных на внешнем периметре окружения.

— Резко отрицательно, товарищ Васильев, — самым решительным голосом, на какой он был способен, заявил Василевский. — Подобное решение, вне зависимости от того, кому поручат добивать окруженную группировку, а кому прикажут наступать на Ростов, будет несправедливо для любого

фронта. Ведь оба они дрались с противником, вносили свой вклад в его окружение.

— Думаю, что вы ошибаетесь, товарищ Михайлов. Сейчас идет война, и абсолютно не важно, кто завершит «Уран», а кто продолжит «Сатурн». Смею вас заверить, что в случае успеха славы хватит на всех. Или у вас возникли сомнения относительно успеха «Сатурна»?

— Нет, товарищ Васильев, — поспешил успокоить Верховного Василевского. — Просто, зная характер товарища Еремина, он наверняка обидится, если его фронт будет отстранен от разгрома противника.

— Обидится! Чистый детский сад, — недовольно громыхнула трубка. — Если у вас нет других аргументов, будем считать, что обсуждение этого вопроса завершено. Ждите решения Ставки. До свидания.

Как и предвидел Василевский, известие о разделении функции фронтов вызвало бурную реакцию у Еременко.

— Нет, ну как это понимать?! Мы немцев за Волгу не пустили! Мы, можно сказать, зубами фашистов на берегу остановили, а доколачивать их будет Рокоссовский! Где справедливость?! — возмущался комфронта, и с ним был полностью солидарен член Военного совета Хрущев.

— Форменное безобразие! Я обязательно буду разговаривать с товарищем Сталиным по этому вопросу. Это политически неправильное решение, — пообещал генералу Никита Сергеевич, но, к его огромному разочарованию, Ставка

четко разделяла политические вопросы и военные интересы. Когда член Военного совета фронта дозвонился до Верховного, тот посоветовал ему полностью сосредоточиться на подготовке проведения операции «Сатурн».

– Завершать операцию «Уран» и добивать окруженные войска противника будет Рокоссовский – это вопрос решенный, и приказ Ставки по нему вам уже отправлен. Не будем устраивать состязание двух фронтов, кто быстрей разобьет окруженных в Сталинграде немцев. Когда у одного дела два ответственных лица за его исполнение – это серьезно мешает делу. Будет лучше, если вы с товарищем Еременко направите всю свою кипучую энергию на разгром прикрывающих Ростов румын и немцев. За это партия и Родина скажут вам огромное спасибо, – отрезал Сталин, и, почувствовав решительный настрой вождя, Хрущев не стал будить лихо и спорить с Верховым.

Видя, что решение Сталина о разделении двух фронтов окончательное и обжалованию не подлежит, генерал Василевский позвонил в штаб генерала Рокоссовского.

– Товарищ Костин, вы получили приказ Ставки о том, что штабу вашего фронта поручена ликвидация немецкого котла под Сталинградом? – холодным голосом поинтересовался у генерала начальник Генерального штаба.

Холодность эта была порождена тем, что, предвидя передачу его фронту ликвидации окруженного врага, Рокоссовский отправил в штабы армий Сталинградского фронта, чьи

дивизии образовывали внутренний фас кольца окружения, своих представителей. Сделано это было под предлогом лучшей координации действий двух фронтов. Когда об этом доложили Еременко, он принял бурно возмущаться, но своих представителей в штабы Донского фронта так и не послал.

Василевский также считал, что командующий Донским фронтом торопит события, и вот оказалось, что Рокоссовский был прав в своих действиях.

– Знаю, что положение дел на южном фасе окружения вам хорошо известно, поэтому хочу знать, где и какими силами вы намерены наступать?

– Здравствуйте, товарищ Михайлов, – спокойным и будничным голосом ответил комфронта. – Приказ Ставки я получил два часа назад, и полного плана действий у нас пока ещё нет. В общих же деталях могу сказать, что мы намерены двумя ударами с севера и юга рассечь группировку противника на две части, занять их основные аэродромы. После чего добить её по частям.

– Какими силами вы намерены осуществить свои намерения? Согласно тем сведениям, что я располагаю, армии вящего фронта понесли серьезные потери при прорыве обороны врага, и для нанесения удара с северного фаса окружения они ещё не готовы.

Если вы намерены поручить главную роль по взлому обороны противника армиям южного фаса, то я сразу предупреждаю, что положение у них тоже далеко не блестящее. Все

они нуждаются в пополнении, которое поступит в лучшем случае к концу декабря.

Казалось, что начальник Генерального штаба говорит без радостные вести для Рокоссовского, но, к удивлению Василевского, это никак не повлияло на бодрый настрой собеседника.

— Мы хорошо знаем положение дел в 57-й и 64-й армиях, товарищ Михайлов, — заверил собеседника генерал, — и, честно говоря, не рассчитывали на них в своих планах по прорыву обороны врага.

— Тогда как вы собираетесь прорвать оборону противника? За счет перегруппировки своих сил путем ослабления 66-й армии левого фланга, но это откровенно рискованное мероприятие, — предупредил Васильевский, но снова не угадал.

— Главным нашим тараном будет 2-я гвардейская армия генерала Малиновского. Вопрос с отправкой её на наш фронт согласован с товарищем Васильевым, и её прибытие ожидается к середине декабря.

— Задумка неплохая, — согласился Васильевский, — но, насколько я знаю, у этой армии нет боевого опыта, и есть риск, что она завязнет в обороне противника, не выполнив своей боевой задачи.

— У штаба фронта иное мнение, товарищ Михайлов, — без обиняков заявил собеседнику Рокоссовский, чем вызвал неудовольствие у Васильевского. Представитель Ставки и на-

чальник Генштаба не привык к проявлению столь откровенной самостоятельности со стороны командующего фронта. Фронтов и командующих было много, а начальник Генерального штаба, определяющий и направляющий их действия, был один.

— Я рад этому, товарищ Костин, и очень надеюсь, что вы справитесь с поставленной перед вами задачей без привлечения дополнительных сил.

— Мы тоже на это надеемся, — откликнулся Рокоссовский, твердо уверенный, что сможет расколоть окруженную вражескую группировку силами 2-й гвардейской армии.

— Тогда жду от вас победной реляции, — произнес Василевский и повесил трубку.

— Зря вы, Константин Константинович, гусей дразните. Припомнит вам Василевский ваши слова, — с укоризной покачал головой начальник штаба Рокоссовского Малинин. — Чует мое сердце.

— Не знаю, что у вас где чует, Михаил Сергеевич, но я всегда привык отвечать за свои слова. И если я говорю, что 2-я гвардейская не застрянет при прорыве обороны врага и освободит Сталинград, то готов отстаивать свое мнение перед кем угодно. Насколько мне помнится, ещё с утра это мнение было и вашим. Не так ли? — генерал с хитрецой взглянул на собеседника.

— Оно по-прежнему мое, и я так же, как и вы, готов его отстаивать, где угодно и перед кем угодно. Я говорю лишь о

том, что не стоило задирать генерала Василевского. Никакой начальник Генштаба не потерпит рядом с собой самостоятельного комфорта.

– Я вообще считаю его нахождение на фронте, пусть даже в качестве представителя Ставки, большой ошибкой. Начальник Генштаба должен сидеть в Москве и руководить фронтами оттуда, имея весь объем информации на руках. Здесь же он волей-неволей давит всех нас своим положением и навязывает принятие «правильных» на его взгляд решений.

– Не являясь поклонником генерала Василевского, должен сказать, что в основном все внесенные им предложения были правильными.

– И передача на начало наступления 21-й армии генералу Ватутину? – тотчас напомнил Малинину Рокоссовский момент, когда ослабленная предыдущими боями 65-я армия была вынуждена взламывать немецкую оборону, тогда как 21-й армии противостояли румыны. – Разве вы не были против этого?

– Да, был и остаюсь при своем мнении, но потом 21-ю армию нам все же вернули.

– Вернули, но в каком виде! Когда дивизии по своей численности стали полками, а полки батальонами? Кстати, ещё один минус пребывания Василевского на передовой – это то, что он притягивает поступающие резервы к тому месту, где он находится, вместо того чтобы распределять их равномер-

но между фронтами. Я намеренно не акцентирую на этом внимание, поскольку Ставка обещала нам 2-ю гвардейскую армию, но согласитесь, что это непорядок.

— Полностью с вами согласен. Без 2-й гвардейской армии мы находимся в положении охотника, поймавшего медведя, но не имеющего возможности сдвинуться с места, — вздохнул Малинин.

— Надеюсь, что не очень долго, — откликнулся комфронт, но судьба сулила его планам и надеждам горькое разочарование.

12 декабря 1942 года соединения генерала Гота перешли в наступление в районе Котельниковского и прорвали фронт 51-й армии. Точнее сказать, это были заслоны, которые генерал Еременко расположил в этом месте, полагая, что ему противостоят румынские войска. Румыны, точнее сказать, румынская пехота действительно там присутствовала, а вот двинувшиеся в прорыв танки были немецкими.

Пробив ослабленную оборону соединений 51-й армии, они устремились к реке Мышкова, единственному естественному препятствию по направлению к окруженной армии Паулюса.

Занятый подготовкой наступления через реку Чир в обход румынских войск, расположившихся у станции Тормосин, Еременко просмотрел приготовления противника, и прорыв обороны у Котельниковского вызвал у него страх. Сколько раз он уже испытал на себе последствия внезапных ударов со

стороны немцев, после которых вырвавшийся на оперативные просторы противник начинал громить тылы советских войск.

Естественно, первой мыслью генерала было остановить танковый кулак противника ударом в его основание, но наносить подобный удар было нечем, и оставалось встречать немцев на берегах Мышковы. Для чего там были все условия. Переправы через реку находились под контролем тыловых соединений Сталинградского фронта, а зима затрудняла снабжение оторвавшихся от своих тылов танковых соединений. Равно как и переброску пехоты, хоть на машинах, хоть в пешем строю.

Для подготовки обороны требовалось вернуть часть ранее переданных Рокоссовскому соединений 57-й армии, но тут в дело вмешался Никита Хрущев. С природной кулацкой сметкой он предложил Еременко решение, которое гарантировало разгром прорвавшегося противника.

– Зачем требовать от Рокоссовского возвращения 57-й армии? Вы прекрасно знаете её состояние; удержать противника в кольце окружения они могут, а вот противостоять сразу двум противникам им будет очень сложно. Особенно если немцы ударят друг другу навстречу.

– Что вы предлагаете, Никита Сергеевич? – навострил уши Еременко.

– Я предлагаю выйти на товарища Василевского с тем, чтобы нам передали 2-ю гвардейскую армию генерала Мали-

новского. Его свежие дивизии наверняка смогут остановить прорыв немцев и не допустят прорыв Паулюса.

— У вас светлая голова, Никита Сергеевич! Надеюсь, что вы, как член Военного совета фронта, поддержите мою просьбу относительно 2-й гвардейской армии?

— Можете не сомневаться. Сейчас же отправлюсь к Васильевскому. Не будем откладывать это важное дело ни на минуту.

Предложение Еременко не вызвало особого энтузиазма у Васильевского, два дня назад утвердившего план операции по разгрому Сталинградского котла. Генерал прекрасно понимал, что ликвидация окруженнного противника позволит ему в кратчайший срок провести операцию «Сатурн», не испытывая привычную в таком деле нехватку сил. Семь армий, пусть даже в ослабленном состоянии, большая сила, способная сокрушить оборону врага.

Однако напор Хрущева, поймавшего кураж и возможность реабилитироваться в глазах Сталина за майскую катастрофу под Харьковом, был настойчив и яростен. Желая добиться предложенного им решения во что бы то ни стало, он через голову Васильевского вышел на Ставку.

Что говорил незабвенный Никита Сергеевич, было неизвестно, но вечером следующего дня Stalin позвонил Васильевскому и спросил, что он думает по поводу передачи армии Малиновского Сталинградскому фронту в сложившейся обстановке.

– Сможет ли товарищ Еременко имеющимися в его распоряжении силами остановить наступление немцев на Сталинград и не допустить прорыв окружения армии Паулюса? Может быть, есть смысл передать ему 2-ю гвардейскую армию Малиновского? – задал вопрос Верховный, и Василевский быстро поменял свое прежнее мнение.

Причин, подтолкнувших начальника Генерального штаба к этому, было несколько, и личное недовольство комфронта Рокоссовским было на последнем месте. Имея возможность наблюдать генерала Еременко в конкретном деле, он видел в нем перспективного военачальника и командующего фронтом. Однако при всех его плюсах Василевский не был полностью уверен, что тот сможет за короткий срок создать прочную оборону на Мышкове и остановит врага на подступах к Сталинграду.

Одновременно с этим Александр Михайлович не был уверен в том, что и Рокоссовский за короткий срок сумеет разгромить окруженного Паулюса. Уж слишком сложной и трудной казалась ему эта задача. И тут Василевский проявил себя не как представитель Ставки, действующий на определенном направлении советско-германского фронта, а как начальник Генерального штаба, посчитавший, что можно пожертвовать частью узора замысла ради сохранения целого.

– Я полностью с вами согласен, товарищ Васильев. Получив свежую армию, Еремин наверняка сумеет остановить противника и не допустит снятия окружения Паулюса.

– Но тогда под большим вопросом возможность проведения операции «Сатурн», – тотчас напомнил генералу Сталин. – Потеряв время с уничтожением немецкой группировки под Сталинградом, мы позволим противнику отвести свои войска с Кавказа.

– Да, это наверняка обернется срывом сроков начала «Сатурна», но мы с самого начала не исключали такого поворота дела. Слишком огромен масштаб этой операции, и, как вариант, была разработана операция «Малый Сатурн».

– Значит, решено, – после небольшого раздумья произнес Сталин. – Сообщите Костину о принятом нами решении.

– Будет лучше, если это сделаете вы, товарищ Васильев.

– Почему? Думаете, он откажется подчиниться представителю Ставки?

– Нет. Но он уже начал подготовку операции «Кольцо» и наверняка попытается оспорить это решение, посчитав, что оно исходит лично от меня. Прошу понять меня правильно.

– Хорошо, товарищ Михайлов, я позову Костину, – холдно прогудела трубка телефона, прежде чем замолчать.

Сталин никогда не откладывал неприятные дела в долгий ящик, и вскоре в ставке Рокоссовского раздался звонок по ВЧ. После обмена обычными приветствиями Верховный задал генералу неожиданный вопрос:

– Скажите, как у вас обстоят дела с товарищем Михайловым? Нет ли проблем с взаимопониманием, учитывая его

пост?

– Нет, товарищ Васильев. С товарищем Михайловым мы работаем дружно. Он полностью одобрил предложенный нами план операции «Кольцо», к осуществлению которой собираемся приступить в ближайшие сутки, сразу после подхода армии Родионова.

– Вынужден сообщить вам неприятное известие. В связи с резким ухудшением обстановки у товарища Еремина решено передать ему армию Родионова и временно отказаться от проведения операции «Кольцо». Ведь имеющимися у вас силами провести её вы не сможете.

– Я категорически не согласен с передачей армии Родионова Еремину. Немцы незначительно потеснили его войска, и он может остановить их, если не на Аксасе, то на Мышкове точно. Переброска мотопехоты в нынешних условиях затруднительна, и длинного броска танков противника не будет. У Еремина будет время для создания обороны.

– Товарищ Михайлов не совсем уверен в том, что Еремин успеет создать оборону на Мышкове и остановит там немцев, – доверительно сообщил Верховный Рокоссовскому. – Ведь против него действует ваш старый знакомый фельдмаршал Манштейн. Один из лучших полководцев Гитлера, мастер преподносить неожиданные действия и неприятные сюрпризы. Мы с товарищем Михайловом считаем, что, опираясь на армию Родионова, Еремин сумеет не допустить прорыв немцев на помощь окруженному Паулюсу и деблокиро-

вать его армию.

— Товарищ Васильев, — взмолился Рокоссовский, — оставьте нам армию Родионова, и мы успеем уничтожить противника до подхода немцев к реке Мышкова. Мы разгромим Паулюса, и немцам некого будет спасать.

— Это слишком ответственное и вместе с тем рискованное заявление, товарищ Костин. Слишком многое зависит от того, сумеем ли мы разгромить окруженные немецкие войска или нет.

— Я и мой штаб ручаемся за благополучный исход операции, товарищ Васильев. Мои прежние действия на посту командующего фронтом и представителя Ставки позволяют мне так говорить. Мы разобьем Паулюса в короткий срок, если нам будет оставлена армия генерала Родионова, — отчеканил Рокоссовский, и в воздухе повисла тишина.

Кто-либо другой на месте генерала, желая добиться нужного результата, продолжил бы добавлять и добавлять аргументов и фактов в разговоре с Верховным, но Рокоссовский не стал этого делать. Хорошо изучив манеру его разговора, он честно выложил перед Сталиным свой главный козырь и теперь терпеливо ждал, какое решение он примет.

— Прежде всего, я хочу сказать, что полностью верю вам как боевому генералу, товарищ Костин, и все ваши успехи на посту командующего фронтом полностью подтверждают мое мнение о вас. Вы говорите, что приложите все силы, чтобы разгромить в кратчайший срок Паулюса, и я охотно ве-

рю, что вы сделаете все, чтобы выполнить данные обещания. Однако согласитесь, что в жизни бывает так, что внезапно возникшие обстоятельства не позволяют нам сдержать данное слово. Верно?

— Да, товарищ Васильев, такое бывает, но в нашем случае все по-другому! — начал комфронт, но вождь прервал его:

— Повторяю, что я охотно верю вам, но в этом случае нам с товарищем Михайловы нужна стопроцентная гарантия того, что немцы не смогут деблокировать Паулюса. Ведь вы не можете дать такой гарантии.

— Нет, не могу, — честно признался Рокоссовский, — на войне бывает всякое, что не укладывается в намеченные планы.

— Вот видите, — подхватил довольный Stalin. — Кроме этого, разгром Паулюса носит не только военный, но и в большей мере политический характер. Уничтожение его армии под Сталинградом незамедлительно остынет горячие головы союзников и сторонников Гитлера, как на Дальнем Востоке, так и в Закавказье. Мы не можем упустить такой шанс, такой козырь из своих рук. Надеюсь, что вы меня понимаете.

— Я вас понимаю, товарищ Васильев, — с большой неохотой произнес Рокоссовский.

— Я очень рад этому.

— Однако я остаюсь при своем мнении, что мы сможем разгромить Паулюса за короткое время с помощью армии

Родионова.

— До свидания, — больше с усмешкой, чем с неудовольствием произнес Сталин, и разговор закончился.

Подошедший к концу разговора командующего фронтом со Ставкой генерал Малинин сразу понял по обрывкам разговора и лицу Рокоссовского, что случилось что-то неприятное.

— Что-то случилось, Константин Константинович? — осторожно уточнил Малинин.

— Случилось, — хмуро ответил Рокоссовский. — Накаркалы, Михаил Сергеевич. В связи с прорывом немцами оборону 51-й армии у нас забирают 2-ю гвардейскую, отдают Еременко, и наше «Кольцо» накрывается медным тазом.

Глава III

Возрождение надежды

Мнение о том, что Верховный Главнокомандующий относился к своим полководцам как к простым «винтикам», мало соответствовало действительности. Зная их сильные и слабые человеческие стороны, он пытался всячески влиять на них для пользы общего дела.

«Обрадовав» Рокоссовского изъятием у него 2-й гвардейской армии, Сталин поспешил хоть как-то уравновесить нанесенную обиду. На следующий день он позвонил командующему фронтом и поздравил его с высокой наградой, одним из вновь введенных Советским Союзом Союзом военных орденов — орденом Суворова за номером один.

Награда, правда, давно была отписана Рокоссовскому и не вручалась по чисто технической причине, первоначальный вид ордена в металле не понравился вождю, и пришлось переделывать. Теперь, решив, что лучше поздно, чем никогда, Сталин решил порадовать молодого полководца, честно заслужившего эту награду прорывом блокады Ленинграда.

— Рад сообщить вам радостную весть, товарищ Костин. По ходатайству Ставки Верховного Главнокомандования Президиум Верховного Совета СССР, за успешные действия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, наградил вас

недавно учрежденным орденом Суворова первой степени. От всей души поздравляю вас с этой заслуженной наградой, товарищ Костин. Вы первый среди всех наших военных, кто удостоен этой высокой награды.

Голос Сталина был полон доброты и радости, и Рокоссовский моментально позабыл все вчерашние огорчения.

— Огромное спасибо, товарищ Васильев, за столь высокую награду, однако хочу напомнить, что всеми своими успехами я обязан своему штабу, — не преминул сказать комфронта, на что Верховный, усмехнувшись, ответил:

— Не беспокойтесь. И товарищ Малинин, и товарищи Казаков и Орел не остались без наград. Соответствующий указ уже вам отправлен, но я посчитал нужным лично известить вас о высокой награде. Оценивая ваши действия, можно смело сказать, что вы если не современный Суворов, то Багратион наших дней точно.

— Ещё раз спасибо, товарищ Васильев. Я и мои подчиненные сделаем все возможное, чтобы как можно быстрее разгромить окруженного врага, — заверил Верховного Рокоссовский. Обрадованный нежданной наградой, он надеялся, что вслед за этим Сталин начнет разговор про армию Малиновского, но обманулся. Решив отдать 2-ю гвардейскую Еременко, тот не собирался менять своих решений.

— Знаю, что ваши войска нуждаются в подкреплении для разгрома противника, но, к сожалению, у нас нет другой армии, которая поможет вам в разгроме Паулюса. Ставка счи-

тает, что вам следует взять перерыв в осуществлении операции «Кольцо». Мы постараемся как можно скорее помочь вам людьми и техникой, а чтобы пополнение быстрее к вам поступало, мы посылаем к вам в качестве представителя Ставки товарища Мехлиса. Как вы относитесь к такому пополнению вашего Военного совета фронта?

— С радостью, товарищ Васильев, — сдержанно ответил Рокоссовский, — уверен, что Лев Захарович внесет свежую струю в дела фронта.

— Рад это слышать, товарищ Костин, — откликнулся довольный Сталин, который убивал сразу двух зайцев.

В сентябре 1942 года, объезжая передовую линию обороны на Кубани, армейский комиссар Мехлис попал под налет немецкой авиации. На его счастье, автомобиль и машину сопровождения атаковал единичный немецкий истребитель, возвращающийся после разведывательного рейда вдоль побережья моря. Ограниченный запас топлива позволял немецкому пилоту провести только одну атаку. В противном случае он мог не дотянуть до своего аэродрома.

Поэтому, сбросив бомбы на внезапно обнаруженные машины и дав по ним длинную пулеметную очередь, «мессершмитт» поспешил убраться восвояси.

Знай пилот, что в невзрачной эмке находится заместитель наркома обороны СССР, он наверняка бы рискнул и отправил машину на второй круг, но увы. Благоразумие взяло верх, и «мессершмитт» улетел, победно покачав крыльями

над поврежденной машиной.

В результате этого налета от взрыва бомбы Мехлис получил контузию и легкое ранение плеча и после оказания первой врачебной помощи был в срочном порядке отправлен в Москву, к огромной радости комфронтца Тюленина.

Честно отлежав два месяца в госпитале, Лев Захарович настоял на выписке и стал настойчиво досаждать Сталину просьбами о возвращении на фронт. Узнав об этом, командование Закавказского фронта и Черноморского фронта обратилось к Сталину с убедительной просьбой направить Льва Захаровича на ответственную работу на самый важный участок советско-германского фронта, коим Закавказский фронт не являлся.

Отправляя Мехлиса под Сталинград, Сталин не только шел навстречу измученным закавказцам, но и укреплял позиции Рокоссовского в столь непростом раскладе командных сил.

Многие военные, зная требовательный и въедливый характер заместителя наркома, откровенно посочувствовали командующему фронтом и его окружению, но, вопреки ожиданию, никакой драмы среди комсостава после приезда Мехлиса на Донском фронте не произошло. Генералы Малинин, Казаков, Орел и другие члены штаба Рокоссовского были хорошо знакомы Мехлису по Севастополю. Более того, он видел окружение командующего фронтом в деле и был высокого мнения о них.

По этой причине притирания с разносами и скандалами, которые всегда сопровождали появление Льва Захаровича на фронте, на этот раз не произошло. Заместитель наркома обменялся с командой Рокоссовского крепкими рукопожатиями, выразил надежду на плодотворную работу и с головой ушел в работу.

Следует сказать, что, отправляясь на Донской фронт, Мехлис довольно основательным образом изучил многие материалы, касающиеся положения фронта, и Малинину не пришлось долго вводить армейского комиссара 1-го ранга в курс дела. Узнав о нехватке запаса снарядов, Мехлис немедленно позвонил генерал-полковнику артиллерии Воронову и потребовал срочной помощи Донскому фронту.

— Вы прекрасно знаете, какое значение придает Ставка ликвидации немецкого котла под Сталинградом, и подобное положение дел с поставкой снарядов и мин Донскому фронту является откровенным разгильдяйством со стороны службы тыла и Главного артиллерийского управления, если не сказать хуже. Убедительно прошу вас взять дело под свой личный контроль и в кратчайший срок решить эту проблему. Также очень надеюсь, что Донской фронт получит в свое распоряжение два дополнительных дивизиона гвардейских минометов. В условиях, когда фронту противостоит глубоко эшелонированная оборона врага, «катюши» являются эффективным средством для их уничтожения, — громко «рыкал» в трубку Мехлис, и стоящий рядом с ним генерал Каза-

ков буквально светился от радости. Теперь он не сомневался, что фронт получит дополнительные гвардейские минометы. Ранее на все его многочисленные просьбы начальник Главного артиллерийского управления РККА ограничивался скучными обещаниями рассмотреть их.

Вслед за звонком генералу Воронову последовал звонок маршалу авиации Голованову с просьбой содействовать в уничтожении группировки Паулюса силами дальней авиации.

— Ничего не имею против работы генерала Руденко. Товарищ Рокоссовский хвалит его летчиков, но их сил недостаточно, чтобы быстро взломать оборону врага и принудить его сложить оружие. Удары самолетов вашей авиации могут самым существенным образом переломить исход сражения в нашу пользу. Буду рад, если вы не отложите мою просьбу в долгий ящик и в ближайшие дни сможете доложить Военному совету фронта о намеченных вами мероприятиях помочь ему.

К чести Александра Евгеньевича, тот отнесся к просьбе «мучителя генералов» самым внимательным образом. Тем более что его об этом просил сам Верховный Главнокомандующий.

Единственное, чем сразу не смог Лев Захарович помочь нуждам фронта, — это танками и противотанковыми орудиями. Все, что было в резервах обоих фронтов, по приказу Ставки было передано в подчинение генералу Еременко

с целью отражения наступления рвущегося к Сталинграду Манштейна.

Но если в танковом вопросе Мехлис оказался полностью бессилен, то в вопросе относительно подкрепления помог так, что потухшие глаза комфронтя наполнились надеждой.

Когда генерал Малинин рассказал об операции «Кольцо» и о той роли, которую в ней предстояло сыграть армии Малиновского, заместитель наркома нахмурился, провел ладонью по своим густым черным волосам и принялся стучать пальцами по столу, что было явным признаком его недовольства.

— Очень жаль, что я был не в курсе споров вокруг 2-й гвардейской армии. Я бы непременно поддержал вас в этом споре. Это же очевидно, что только с привлечением свежих сил можно быстро прорвать оборону врага и разгромить его. В вашем же состоянии о начале наступления в ближайшие недели не может быть и речи. Что за глупость, что за перестраховка?! Ведь в крайнем случае для разгрома немцев можно было передать Еременко всю 21-ю армию. Или я не прав, товарищ Малинин?

— Вы совершенно правы, Лев Захарович, но Ставка вместе с товарищем Василевским, увы, решила иначе.

— Знаю я, как решаются подобные дела, — недовольно буркнул Мехлис, — у кого больше влияния, тот и прав (армейский комиссар 1-го ранга выразился несколько иначе). Ладно, посмотрим, что тут можно сделать.

Генерал Малинин, да и сам командующий фронтом, вос-

приняли слова заместителя наркома как вежливое сочувствие крушению их планов, но оказались полностью неправы. Мехлис действительно занялся поиском возможностей исправления допущенной на его взгляд «ошибки», и к исходу второго дня у него состоялся с Рокоссовским и Малининым доверительный разговор.

— Думаю, что я нашел возможность вернуть к жизни вашу операцию «Кольцо», — загадочно известил Мехлис генералов, многозначительно подняв брови.

— Каким образом, Лев Захарович? — удивился комфронт. — Ставка согласна прислать нам свежие резервы?

— К сожалению, нет. Ставка занята операцией «Марс», и все резервы в первую очередь направлены туда. Моя идея заключается в ином. У вас забрали армию Малиновского для решения важных проблем для борьбы с Манштейном, мы тоже можем потребовать себе армию, временно находящуюся в резерве. Я имею в виду 3-ю гвардейскую армию генерала Лелюшенко, стоящую без дела у Ватутина. Дело вполне реальное, но прежде чем приступить к делу, я хотел знать, как вы к этому относитесь? Одобряете ли вы мое предложение или нет? — Мехлис требовательно посмотрел на собеседников.

— Я всегда стоял за быстрое проведение операции «Кольцо» и рад любой возможности её реализации, но как к этому отнесутся сам Ватутин, генерал Василевский и Ставка? Насколько я знаю, 3-ю армию должны ввести в прорыв на-

ступления Юго-Западного фронта. Вам могут отказать, Лев Захарович, обвинив в перетягивании одеяла в пользу своего фронта, – осторожно усомнился комфронт.

– Все мои действия направлены на скорейшее уничтожение напавшего на нашу Родину врага, а не ради каких-то там сиюминутных выгод, товарищ Рокоссовский. И желание разгромить Паулюса обусловлено государственными интересами, и только ими, – жестко произнес Мехлис, привычно засунув руку за поясной ремень. – Вы и товарищ Малинин известны мне как честные и ответственные товарищи, и я полагаю, вам можно доверить важную государственную тайну, о которой вы не могли знать в силу своего положения.

Операция «Уран» является частью большой стратегической операции, призванной отрезать немецкие войска на Кавказе. И чем быстрее мы разгромим немцев здесь под Стalingрадом, тем быстрее сможем захватить Ростов и отрезать значительную часть дивизий врага от его основных сил здесь, на юге.

– Спасибо за доверие, Лев Захарович. Теперь нам многое стало понятно, – дипломатически произнес комфронт, который о многом догадывался сам, и слова Мехлиса не стали для него откровением, – но Ставка, и в первую очередь товарищ Василевский, не согласится с изъятием армии Лелюшенко у Ватутина.

– Не разбив яиц, нельзя приготовить омлет. Так вы поддерживаете мое предложение или нет?

— Конечно, да, товарищ заместитель наркома обороны, — откликнулся Рокоссовский, и Лев Захарович отправился добывать армию Лелюшенко.

Как и предсказывал Константин Константинович, генерал Василевский встретил требование Мехлиса о передаче 3-й гвардейской армии в штыки.

— У 3-й армии свои задачи и свои планы действий, утвержденные Ставкой, товарищ Мехлис! Она предназначена для прорыва на Шахты, а затем на Ростов! — в праведном гневе возмущался Василевский, но он не произвел должного впечатления на «мучителя генералов», как за глаза называли Мехлиса военные.

— Как скоро состоится этот прорыв, товарищ Василевский? Пока войска товарища Ватутина занимаются тем, что мужественно выдавливают противника с занимаемых позиций, и ни о каком прорыве речь не идет. Согласитесь, что продвижение на 3–4 километра в день никак нельзя назвать прорывом — язвительно уточнил Мехлис.

— Я не могу назвать вам точный день и час прорыва, но он состоится, можете в этом не сомневаться.

— А пока 3-я армия будет болтаться без дела, выполнение операции «Сатурн» откладывается на неопределенный срок.

— Ставка в курсе возникших трудностей в плане проведения «Сатурна» и согласна с внесением изменений в сроки её исполнения вместе с масштабом операции, — парировал Василевский, но собеседник не хотел слушать приведенные

начальником Генерального штаба доводы.

— Когда человек хочет решить проблему, он ищет способы её решения, когда не хочет — ищет способы оправдания своего бездействия. Мне понятна ваша позиция, товарищ Василевский, и она откровенно гнилая, — гневно объявил Мехлис, и от этих слов у Василевского неприятно засосало под ложечкой. Он прекрасно знал, что может сделать первый заместитель наркома, в своем праведном гневе имея на руках слабые и малые аргументы.

Вместе с этим Александр Михайлович интуитивно чувствовал, что положение на фронтах не столь катастрофично, как это было летом и осенью сорок первого года, и время Мехлиса начинает уходить. Поэтому, собрав всю волю в кулак и вспомнив, что он начальник Генерального штаба и представитель Ставки, продолжил борьбу за свою точку зрения.

— Я буду вынужден доложить о нашем разговоре товарищу Сталину и указать на недопустимое вмешательство с вашей стороны в дела Ставки, — как можно более твердым тоном произнес генерал, но его слова не остановили Мехлиса.

— Можете не беспокоиться, товарищ Василевский, я сам сейчас же доложу о нашем разговоре товарищу Сталину и попрошу передать Рокоссовскому 3-ю гвардейскую армию, — громыхнул в запале Лев Захарович и разъединился.

К деловым качествам заместителя наркома обороны всегда относилась его готовность идти с открытым забором на

противника, и, положив трубку на рычаг, он тотчас позвонил в Кремль.

Поначалу вождь с холодцой отнесся к его идее о передаче армии Лелюшенко Рокоссовскому, но пламенный напор Мехлиса в сочетании с подготовленными ему генералом Малининым аргументами стал подтачивать лед недоверия Сталина.

— Василевский ручается, что со дня на день войска Ватутина смогут совершить прорыв, и передача 3-й гвардейской только спутает все наши карты.

— Ватутин, как всегда, топчется и ползет, в отличие от Воронежского фронта, который действительно осуществил прорыв и теснит врага, — Мехлис хорошо знал о холодном отношении Сталина к командующему Юго-Западным фронтом и попытался сыграть на этом. — Я не исключаю того, что со временем товарищ Ватутин сломает сопротивление отступающего под ударами врага, но тогда мы упустим возможность проведения большого «Сатурна». Если передать армию Лелюшенко Донскому фронту, шансы на его проведение возрастают в разы.

— Вы слишком увлечены своей идеей, товарищ Мехлис, и не желаете видеть подводные камни, которые существуют в любом деле. Допустим, что мы передали 3-ю армию Донскому фронту, а он не сможет разбить в кратчайшее время Паулюса. Тогда мы окажемся в незавидном положении, не добившись успеха ни на одном из фронтов. Что будем тогда

делать? Кого назначать в виновники неудачи?

— Товарищ Сталин, я верю обещаниям генерала Рокоссовского разгромить врага в кратчайшее время и в случае неудачи готов отвечать за свои слова. Вы меня знаете, — решительно заявил Мехлис, вскинув по привычке свою черную гравюру волос.

— Я хорошо знаю вас, товарищ Мехлис. Хорошо знаю генерала Рокоссовского и считаю, что следует использовать любой шанс, чтобы переломить ситуацию в свою пользу, — вождь замолчал и потом объявил свое решение: — Думаю, что в сложившейся ситуации можно будет рискнуть и передать 3-ю гвардейскую армию в состав Донского фронта. Но с тем условием, что в случае необходимости она будет незамедлительно возвращена товарищу Ватутину. Такое решение вас устроит, товарищ Мехлис?

— Вполне, товарищ Сталин. Единственная просьба: начать переброску армии Лелюшенко как можно скорее. Время не ждет.

Стоит ли говорить, что товарищ Сталин уважил и эту просьбу Льва Захаровича. Причина, по которой вождь пошел навстречу товарищу Мехлису, была проста и очевидна. Отчего не использовать пыл и азарт единомышленников по воле случая для спасения первоначальных замыслов?

Иосиф Виссарионович помнил историю о генералах Наполеона, которую ему рассказал историк Тарле. Оказывается, что перед сражением император заставлял генералов иг-

рать в карты, тем самым выявляя их боевой настрой на этот день. И тому, кто азартнее играл, император поручал командовать в этот день атакой, а остальных отправлял в резерв.

Очень может быть, что эта истории была обычной байкой, но острый ум вождя сразу выделил из неё здравую суть и не преминул воспользоваться ею. Люди искренне хотели добиться успеха, и им следовало немного помочь. Не так много было у Верховного Главнокомандующего генералов и командующих фронтом, которые не только выполняли поставленную перед ними задачу, но хотели сделать это лучше. Товарищ Сталин всегда шел им навстречу, не забывая при этом напомнить об ответственности.

Как говорят в народе, беда не приходит одна, но, как показывает практика, и удача не ходит в одиночку. Не успел Рокоссовский порадоваться сообщению Мехлиса по поводу передачи 3-й гвардейской армии, как его порадовали разведчики генерала Зенковича, добывшие ценного языка.

К сожалению, погоны его украшал майорский галун, и занимал он сугубо тыловую интендантскую должность, но бумаги, лежавшие в его облезлом кожаном портфеле, оказались на вес золота.

Когда Рокоссовский ознакомился с протоколом допроса пленного, он сначала не поверил.

— Ваши орлы все верно перевели, Александр Аверьянович? Или этот... — комфронт заглянул в листы протокола, — майор Штиглиц путает со страху за свою шкуру? Наговари-

вает, цену себе набивает. Сразу объявил себя сочувствующим коммунистам.

– В отношении сочувствия точно врет, товарищ командующий, неоткуда ему взяться при его послужном списке, а вот факты, приведенные им, похоже, соответствует действительности.

– Какой действительности?! – возмутился Мехлис, который также ознакомился с протоколом допроса и был изумлен ничуть не меньше командующего фронта. – Вранье сплошное, да и только!

Заместитель наркома обороны требовательно посмотрел на Зенковича. Мехлис, подобно Рокоссовскому, был знаком с Александром Аверьяновичем с Крымского фронта и был о нем хорошего мнения. Летом сорок второго Зенкович получил тяжелое ранение и был эвакуирован на Большую землю.

После окончания лечения был направлен на работу в тылу, но по протекции Льва Захаровича получил назначение на фронт к Рокоссовскому вместе с генеральским званием. Подобно вождю, Мехлис считал, что стоящих людей следует поощрять.

Зенкович был многим обязан заместителю наркома обороны, который с легкостью мог поменять свое мнение о человеке, но он твердо стоял на своем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.